

тир-ники".
все боя-
лись, как
бы мили-
ция не на-
крыла...
— Я сам по-

КУМИРЫ

Курантос — 1996 —
7 авг. — с. 8

ПАЦАН, КОТОРЫЙ ДОМА БЫЛ ВПОЛНЕ ВЗРОСЛЫМ

Россия — страна, где люди вынуждены развивать сверхъестественные способности

его приезд в Москву каждый раз становится неожиданностью разве что для самого Юрия.

Во время редких и непродолжительных (увы) визитов Юрия в Москву, мы подолгу беседовали с ним. И недавно, слушая диктофонные записи, я обнаружил забавную вещь: разные по времени фонограммы как бы сливаются в один диалог, будто и не было между ними перерыва. Соединить их оставалось «делом техники».

— Ты уже достаточно долго живешь вне России, уже можно подвести некоторые итоги?

— Я начал новую жизнь — в прямом смысле слова. Перед эмиграцией я испытывал чувство не то что дряблости, но сильнейшей усталости, вспомни мои вещи того времени: «Метафизические Опыты», «Долгий Блюз»...

— Отличные композиции.

— Но усталые, печальные! Это блюз уже немолодого человека. Америка вернула мне состояние пацана. Я не говорю, что это для всех так — каждому свое, и я видел, какие порой жуткие вещи творятся с людьми в эмиграции. Есть и немало таких, кому повезло больше, чем мне.

— Если сравнивать твои столичные концерты...

— Нет-нет, я не хочу сравнивать. Опыт прошлого ничего не значит. Как я не рассчитывал, что концерт в ДК Горбунова заинтересует многих, так и битком набитый ЦДЛ был для меня полной неожиданностью. Все это абсолютно непредсказуемо... Само же место выступления ассоциируется у меня со стихотворением Пригова: «В буфете Дома литераторов пьет пиво милиционер...» Вспомни подпольные концерты 80-х, «квар-

мно один из таких концертов, когда нагрянула на квартиру милиция и объявила все это несанкционированным митингом...

— Ну вот! А тут цивилизный зал в центре города и американский пискон с гитарой. Это действительно потешно!

— А тебе не кажется, что, помня тебя по сейшенам и магнитоальбомам, зрители пришли откусывать новую порцию твоей агрессии — особенно на первый концерт? Но ты стал играть намного мягче, и потому — некоторое разочарование. Видимо, поэтому возмужавшие принимали именно старые композиции, особенно где есть строки типа: «Почему там Клондайк, а у нас Кулунда... Почему меня тянет туда...»

— Мне вообще не хотелось давить композициями типа «Капустного Поля», нет желания собирать с них пенки. Я сейчас занят другими мыслями, которые выражаю в англоязычных песнях. Но из зала просили, и я спел. Пусть эти ребята, которые ни черта не понимают в темах более серьезных, почувствуют, что не зря пришли. Кстати, в Америке вообще не принято вопить из зала: мол, сыграй нам то-то. Я не пророк, я прихожу развлечь людей. И попытаться сказать о чем-то высоком, но без давления, мягко. Вот в чем разница между мною здесь и мною там.

— Кстати, на втором концерте твои написанные в Штатах вещи принимали куда лучше, чем в Горбушке, где они не покатились...

— Я заметил, и это здорово — значит, люди меняются...

— «ФИЛИ-рекордз» выпустили часть твоего концерта в Горбушке на CD под названием «Московский бути». Как ты сам оцениваешь этот альбом?

— Я не считаю его чем-то этапным, но составлял его я сам. Старался, чтобы получилась цельная программа.

— Но это не то, что мне всегда хотелось продемонстрировать! Я никогда не был поклонником акустической гитары. Я рок-музыкант, который в силу обстоятельств развивался как гитарист (какая шикарная формулировка! — Авт.). Моя почти гипотетическая группа «Проходной Двор» неоднократно разваливалась — то ли из-за разгильяйства музыкантов, то ли из-за неправильно выбранного названия, — но желание создавать музыку осталось. И появилось абсолютно новое восприятие гитары, когда в одном инструменте сходятся ритм, басовая партия и мелодия. Это звуковое пространство со своими особыми законами гармонии, которые лучше не нарушать, иначе будешь наказан (удивительно, до эмиграции я этого не понимал!). Так вот, у меня оставалась мечта о мощном роке.

— Теперь ее можно считать реализованной...

— Да! Если в первый раз после эмиграции я приехал в Москву скорее как турист, то через год была рабочая командировка для записи «Фиолетового Альбома». Правда, на CD увидела свет другая версия, которую я сделал в Америке, но без этой «московской провокации» я даже не знаю, когда бы решился на запись. По моим ощущениям, получилась сильная, классная работа. Электрическая, тяжелая по звуку — ничего похожего на то, к чему все привыкли. Время для выхода такого CD, наверное, не самое лучшее. Но если диск и не вызовет большого резонанса, то, во всяком случае, не разочарует тех, кому моя музыка интересна. Тем более что записаны на нем композиции, рассчитанные на исполнение группой. Из вещей, известных там, только «Поролоновый Город», но в такой версии его еще никто не слышал. Структура альбома тщательно продумана: это очень

цельная работа, не сборник.

— Прости мне мою наивность, но не проще ли было сразу записаться в Америке?

— Американцев, которым очень нравится моя музыка, немало. Причем, послушав мои новые композиции, они и старые прекрасно принимают, ни слова при этом не понимая по-русски. Они слышат музыку, чувствуют общий эмоциональный настрой, улавливают энергию. Это очень важный момент, поэтому я продолжаю петь по-русски... Когда я первый раз уезжал в Москву, ко мне подходили, спрашивали: «Ты ведь не навсегда уезжаешь, ты ведь еще вернешься, да?» Чертовски приятно было. Но ведь вкусы людей, которые ищут живую интересную музыку, и музыкальные бизнес — вещи разные. Рэп заполнил все, потому что отдача со вложенного доллара небывалая. Ставишь проигрыватель, елочишь иглой по пластинке, что-то бормочешь — и это приносит миллионы! Такого никогда не было! Большинство продюсеров относятся к рэпу с нескрываемым презрением, но на все 90-е шоу-бизнес развращен, переориентирован. Когда моя гитара пробьет себе дорогу, я могу оказаться человеком в годах. Поэтому мой путь — в стороне от торных дорог.

— Помнится, ты собирался записать инструментальный альбом.

— Теперь все это откладывается на неопределенный срок; все сбережения ушли на запись «Фиолетового»...

— А в интервью «Нью-Йоркеру» ты когда-то сказал, что отвел себе семь лет, чтобы стать звездой.

— В Америке я пять лет. Играю не в эмигрантских кабаках, а в университетах и клубах, где по-русски почти никто не понимает. Но старые песни исполняю до сих пор. Ди-джеи на нескольких радиостанциях предлагают бесплатно помочь раскруткой. И если несколько композиций станут хитами, то я, может быть, и выйду в звезды за оставшуюся пару лет. А может быть, и не выйду никогда. Неважно! Акцент сместился, сам я другим стал, как бы внутреннее проскочил мимо своей звездности. А потом внутри умерло нечто, что должно реагировать на подобные вещи. Главное, я, как художник, не остановился. Ведь большинство рок-звезд создали лучшие вещи до тридцати. Дальше — вниз. Мне 35, но моя музыка не стала хуже, и это повод для великой радости!

— Значит, все-таки достаточно сменить среду обитания?

— Для меня это не просто вопрос смены среды. Многие стало видеться по-другому, потому что я стал понимать, а не чувствовать. Третий глаз, средняя линия тела и

тому подобная реально работающая здесь мистика там отмирает начисто. Дело же, по-моему, вот в чем: Россия — это как бы огромная впадина, наполненная мутноватой, заболоченной водой, чтобы спокойно плавать в ней, люди развивают в себе различные сверхъестественные способности. Здесь вполне можно жить полноценной жизнью и развиваться, но, поскольку в воде не разглядеть ни черта, зрение становится ненужным. Америка же — аквариум с прозрачной водой, все можно увидеть, и нездоровые свойства атрофируются. Поэтому американцы в России, как попавшие из прозрачной воды в мутную, кажутся такими наивными.

— Но, утратив эти качества, не заскучал ли?

— С интуитивным существованием связано много разных моментов, хороших и неприятных. За сверхъестественные способности приходится и платить соответственно... Впрочем, я, кажется, в сторону ушел, всякой ерунды наболтал.

— Прости, пожалуйста, я страшно не люблю вопросы подобного рода, и тем не менее — неужели на деньги от клубных концертов можно прожить?

— Конечно, нет! Если бы не заработки жены, я был бы вынужден оставить музыку. Учил бы компьютерную бухгалтерию и прочую болягу. Преданность любимой женщины позволяет мне заниматься своим делом. Ситуация жесткая, но это с юности знакомая головная боль. К безденежью я привык в России, а в плане творчества отъезд был исключительно правильным ходом. Я прорабатываю новую звуковую среду — из этого могут родиться интересные работы.

Беседовал Дмитрий УРЮПИН.
Фото Сергея БАБЕНКО.

«Не приметный солдат рок-н-ролла, не помышляющий стать офицером» — так сказал про себя Юрий Наумов в одной из песен; на самом же деле он — гитарист с уникальной техникой, первый из «русских рокеров», научивший слушать музыку, а не текст (хотя и тексты в его композициях несут немалую смысловую нагрузку). Еще до своего отъезда в Нью-Йорк он был живой легендой: не зная его музыки для истинного меломана считалось неприличным, видеть же доводилось немногим (выступлений было мало, официальных — и того меньше). Поэтому аншлаговые концерты Наумова во время редких